

Оноре де Бальзак

Раскаяние Берты

Оглавление

Раскаяние Берты

Глава первая

КАК БЕРТА И В ЗАМУЖЕСТВЕ ОСТАВАЛАСЬ ДЕВСТВЕННО-НЕПОРОЧНОЙ

Глава вторая

О РАДОСТЯХ И ГОРЕСТЯХ БЕРТЫ, ПОЗНАВШЕЙ ТАЙНЫ ЛЮБВИ

Глава третья

О СТРАШНОЙ КАРЕ, ПОСТИГШЕЙ БЕРТУ, О ТОМ, КАК БЕРТА ИСКУПИЛА
СВОЙ ГРЕХ И УМЕРЛА ПРОЩЕННОЙ

Глава первая

КАК БЕРТА И В ЗАМУЖЕСТВЕ ОСТАВАЛАСЬ ДЕВСТВЕННО-НЕПОРОЧНОЙ

Незадолго до первого побега его высочества дофина¹, причинившего немалое огорчение доброму государю нашему Карлу Победителю, в провинции Турень случилась беда в одной благородной семье, после того почти совсем угасшей, — посему весьма печальная сия история и может быть ныне обнародована. Да помогут автору в его труде святые исповедники, мученики и все силы небесные, кои по воле господней были зачинателями всего доброго в сем происшествии!

По складу своего характера мессир Эмбер де Батарне, один из знатнейших феодалов Турени, не питал никакого доверия к прекрасному полу, полагая, что женщина в силу самой своей природы нравом непостоянна, причудлива, и возможно, что он был прав. Как бы то ни было, упорствуя в этом мрачном убеждении, Батарне дожил до преклонного возраста без подруги, что отнюдь не шло ему на пользу. Человек одинокий, он не умел, да и не желал быть приятным ближнему; все свое время проводя в походах, он имел дело со всякими молодцами, с коими можно было ни в чем себя не стеснять. И потому он вечно ходил неопрятно одетый, потный и грязный под своими доспехами, с немытыми руками, а лицом смахивал на обезьяну; словом, в том, что касается наружности, был он самый безобразный мужчина во всем христианском мире; но зато сердце, ум и все незримые свойства души были в нем достойны всяческой похвалы. Поверьте, долго пришлось бы странствовать по белу свету посланнику божию прежде, чем он нашел бы воина более стойкого, рыцаря, отличавшегося столь незапятнанной честью, более скупого на слова и более верного долгу, чем Эмбер де Батарне. Те, кому случалось беседовать с ним, утверждали, что он был мудрым в своих суждениях и мог всегда дать добрый совет. Уж не нарочно ли, не в насмешку ль над нами бог вкладывает в человека столько высоких качеств, наделив его отвратительной телесной оболочкой? Когда сеньору де Батарне минуло пятьдесят лет (а на вид можно было дать ему и все шестьдесят), он порешил обзавестись супругой, дабы иметь потомство. И вот, разузнавая, где бы ему найти подходящую для себя невесту, он услышал, как люди превозносят великие достоинства и совершенства одной девицы из дома Роганов, владевшего в ту пору поместьями в Турени; девицу сию звали Бертой.

Приехав в замок Монбазон взглянуть на нее, сеньор Эмбер, очарованный красотой, добродетелями и невинностью вышеназванной Берты Роган, воспылал столь сильным желанием обладать ею, что тут же решил взять ее себе в жены, полагая, что девица столь высокого происхождения никогда не изменит своему долгу. Брак этот был заключен незамедлительно, ибо Роган имел семь дочерей, и почтенный родитель не знал, как ему всех их пристроить в столь трудные времена, когда одни не слезали с коня в бранных походах, а другие старались наладить свои пошатнувшиеся дела. Женившись, сеньор Батарне сразу убедился в том, что Берта была невинной девой, а это свидетельствовало о хорошем воспитании, ею полученном, и о неусыпном материнском надзоре. С первой же ночи, когда Батарне заключил красавицу в свои объятия, он выполнял супружеские обязанности с усердием, и на исходе второго месяца после свадьбы узнал, к великой радости своей, что у жены его будет ребенок.

Дабы покончить с первой частью нашей истории, прибавим, что плодом сего законного союза оказался сын — тот самый Батарне, который стал позднее милостью короля Людовика XI герцогом, начальником двора, а затем посланником короля в разных странах Европы и был весьма любим этим грозным государем, коему он оставался предан всей душой. Эту

¹ *Побег его высочества дофина.* — Людовик XI (1423—1483), будучи дофином, принимал участие в мятежах против своего отца Карла VII и вынужден был искать убежища у герцога бургундского Филиппа, при дворе которого он и прожил до своего восшествия на престол в 1461 году.

нерушимую верность Батарне-младший наследовал от отца, который с юных лет был крепко привязан к дофину, разделял с ним все превратности его жизни, даже участвовал в его мятежах и был ему столь надежным другом, что по одному слову его согласился бы распять Иисуса Христа; редко вблизи государей и сильных мира сего произрастает цветок такой дружбы.

С первого же дня замужества прекрасная Берта вела себя столь безупречно, что в совместной с нею жизни рассеялись густой туман и черные тучи, омрачавшие в душе сеньора Батарне сияние женской славы. И вот, как то нередко бывает с безбожниками, он в единый миг перешел от неверия к беспредельной вере и предоставил вышеназванной Берте всем распоряжаться в доме, сделал ее полновластной своей госпожой, всемогущей владычицей, блюстительницей его чести, хранительницей его почтенных седин и, не задумываясь, сразил бы на месте всякого, кто дерзнул бы сказать хоть одно дурное слово об этом зеркале добродетели, ни в малой мере не замутненным дыханием порока, ибо свежих губок жены касались лишь поблекшие уста законного супруга.

Дабы ни в чем не погрешить против истины, скажем, что благоразумию Берты сильно помогло рождение младенца; денно и нощно, в продолжение шести лет, его усердно пестовала прелестная мать; сама выкормила своего сына, вся растворялась в любви к нему, и он как будто заменял ей любовника. Сладостно было ей терпеть, когда младенец крепко кусал ее нежную грудь, сладостно было отдавать ему все свои помыслы. Юная мать не знала иных поцелуев и ласк, кроме прикосновения его розовых губок и крохотных ручонков, пробегавших по ней, словно лапки веселых мышат. Не читала она книг, а читала взоры его милых, ясных глазок, отражавших в себе лазурь небес, не слушала иной музыки, кроме его ребячьих криков, звучавших для нее ангельским пением. Вечно ласкала она и миловала свое дитя, целовала его с утра до вечера и, говорят, даже вставала по ночам, чтобы пожирать его неумемными поцелуями, превращалась с ним порою сама в малое дитя, воспитывала его по всем правилам прекрасной религии материнства — словом, вела себя, как самая лучшая и счастливейшая мать на свете, не в обиду будь сказано пресвятой деве Марии, коей не требовалось особых усилий для того, чтобы хорошо воспитать нашего спасителя, поскольку он был богом.

Неустанные заботы о ребенке и малая склонность Берты к выполнению брачных обязанностей были весьма на руку престарелому Батарне, который не мог быть особенно щедрым на пиршествах любви и старался бережливо расходовать свои силы в чаянии дождаться второго ребенка.

По прошествии шести лет матери пришлось передать сына на попечение оруженосцев и других лиц, коим сеньор Батарне поручил дать надлежащее воспитание своему наследнику, чтобы вместе со славным именем и земельными владениями мальчик унаследовал все добродетели, благородство, силу духа и отвагу своего рода.

Много слез пролила Берта, у коей отняли ее счастье. Для любвеобильного сердца матери отдать горячо любимого сына в чужие руки и видеть его близ себя всего лишь несколько быстротечных часов значило не иметь его вовсе. И Берта впала в глубокую грусть. Слыша сетования ее и слезы, добрый супруг стремился подарить ей другого ребенка, но усилия его были тщетны и доставляли лишь огорчения бедной Берте, ибо, говорила она, зачинать ребенка — пренеприятное дело и обходится ей очень дорого. Что и было сущей правдой, или уж нет правды ни в одном учении, и надобно сжечь все священное писание, как сплошную ложь, если не давать веры простосердечным словам Берты. Но коль скоро для многих женщин (о мужчинах я не говорю, их учить не приходится) подобные речи могли бы показаться фальшью, автор постарался вскрыть тайные причины сей странности, — я разумею отвращение Берты к тем радостям, которые дамы любят более всего на свете; причем отсутствие любовных утех ничуть Берту не старило и не причиняло ей никаких душевных мук.

Ну, скажите, где еще найдете вы сочинителя, который бы так любил женщин и так жаждал угодить им, как я? Клянусь честью, не найдете нигде! Да, я любил их очень сильно, хоть и не столько, сколько мне бы того хотелось, ибо чаще я держу в руках гусиное перо, чем

щекочу своими усами женские губки, чтобы заставить их смеяться и невинно болтать в полном со мной согласии. Вот какие дела!

Старик Батарне вовсе не был человеком испорченным, каким-нибудь распутником, знатоком всяких тонкостей. Ему было все равно, как убить своего противника, лишь бы убить, и, схватившись с ним в честном бою, он, ни слова не говоря, разил его, с какой стороны придется. Беспечности в делах смерти соответствовало безразличие Батарне к делам рождения и жизни, к способам изготовления ребенка в заманчивой, хорошо вам известной печи. Храброму вояке были неведомы тысячи разных повадок в любовных делах, сладостная канитель, милые шуточки, прибауточки, расспросы, допросы, колдовство первых ласк — тонкие охапки хвороста, которые подбрасывают в огонь, дабы он сильнее разгорелся, охватывая благоуханные ветки, подобранные прутик за прутиком в ветрограде любви, — пустячки, безделки, милый лепет, нежности и веселые забавы, лакомства, которые с такой жадностью съедают вдвоем, облизываясь по-кошачьи от удовольствия, словом, всякие затеи и ухищрения, которые распутники знают, а влюбленные изобретают и которые для дам дороже спасения души, ибо в природе женщины так много кошачьего! Это проявляется с полной очевидностью в женских нравах и обычаях. Если вы имеете склонность наблюдать повадки представительниц прекрасного пола, приглядитесь хорошенько, как они едят. Ни одна женщина — я говорю о женщинах благородных и хорошо воспитанных — никогда не будет кромсать, как попало, ножом мясо и торопливо жевать его, как это делает грубый мужчина. Нет, она будет ковыряться в кушанье, будет старательно выискивать и отбирать самые лакомые крошки, она будет лизать соуса и отбрасывать большие куски, будет играть своим ножом и ложкой с таким видом, словно ест поневоле, только в силу судебного приговора, — до того не любят женщины ходить напрямик, предпочитая в каждом деле извилистые, обходные пути, хитрости и жеманство. Такова уж природа сих созданий, и в ней ищите объяснение, почему сыны Адама сходят по ним с ума: ведь женщины все делают по-своему, не так, как мужчины, и делают, право, неплохо. Вы согласны со мной? Отлично, вашу руку!

Итак, старый вояка Эмбер де Батарне, полный невежда в любовной игре, ворвался в прекрасный сад, именуемый садом Венеры, как врываются в крепость, взятую штурмом, не обращая никакого внимания на вопли и слезы ее обитателей, и заронил в этот сад семя жизни, как во мраке ночи пустил бы наугад стрелу из арбалета. Прелестная Берта не привыкла к столь грубому обращению (Дитя! Ей минуло всего пятнадцать лет!) и решила, в простоте и невинности души своей, что к счастью материнства ведет страшный, мучительный и трудный путь. В минуты тяжкого сего испытания она взывала к богу о помощи и твердила про себя молитвы деве Марии, находя удел ее весьма завидным, ибо пречистой приходилось терпеть одного только голубка. Так, не видя в брачных отношениях ничего, кроме доуки, Берта никогда не искала сама близости со своим супругом. А поскольку старик Батарне, как уже говорилось выше, не был особенно силен, то она и жила в одиночестве, как монахиня. Терпеть не могла она мужского общества и совсем не подозревала, что создатель мира сего вложил столько упоительной радости в то, что доставляло ей лишь бесконечные страдания.

Тем сильнее любила она своего малютку, стоившего ей так дорого до появления своего на свет. И нас нисколько не должно удивлять, что Берта страшилась тех увлекательных турниров, где не всадник лошадью, а лошадь всадником управляет с таким разумением, ведет его, и утомляет, и гневается, ежели он споткнется. Судя по рассказам старых людей, именно здесь надо искать разгадку многих несчастных браков и достоверное объяснение безрассудных выходов многих женщин, которые, догадавшись на склоне лет, что были всю жизнь обмануты, и желая вознаградить себя за упущенное, силятся в один день пережить больше, чем может он вместить. Разве это не философия, друзья мои? Изучите же хорошенько сию страничку, дабы рачительно и мудро руководить своими женами, подругами и любыми женщинами, коих нежданный случай отдаст под ваше попечение и охрану — от чего да хранит вас всевышний!..

Оставаясь, несмотря на свое материнство, девственно-непорочной, Берта в возрасте двадцати одного года была украшением замка, славой своего доброго супруга и гордостью

всей Турени. Для Батарне было истинным наслаждением смотреть, как эта девочка ходит взад и вперед по дому, гибкая, словно веточка ивы, проворная, как рыбка, наивная, как ее малыш, и вместе с тем такая разумная и рассудительная, что супруг шагу не ступал без ее совета; и впрямь, если природный разум сих небесных созданий ничем не замутнен, он подобен прозрачному хрусталу, который, чуть к нему прикоснутся, издает ясный, чистый звук.

Итак, Берта, о коей у нас идет речь, жила в замке своего супруга, близ города Лош, и не ведала никаких забот, кроме разных хлопот по хозяйству, следуя в этом старинному обычаю добродетельных жен, от коего отступили наши дамы с того времени, как явились во Францию королева Екатерина² и итальянцы, превеликие любители пышных празднеств. Обычаев их придерживался также король Франции, именуемый Франциском Первым, и его преемники, чьи сумасбродства были не менее пагубны для французского государства, чем зловердные дела церковников. Впрочем, это меня не касается.

Случилось так, что супруги Батарне приглашены были королем в город Лош, где Карл VII находился тогда со своим двором, до коего уже донеслась молва о красоте молодой жены сеньора Батарне. При дворе Берта была встречена любезными похвалами короля и стала сразу предметом поклонения и молодых людей, с восхищением взиравших на это дивное яблочко любви, и старцев, согревавшихся в лучах этого солнца. Да будет вам известно, что все, и стар и млад, охотно претерпели бы тысячу смертей ради обладания этой красотой, сулившей несравненные любовные радости, ослеплявшей глаза и помрачавшей разум! Имя Берты повторялось в Лоше чаще, чем в священном писании упоминается имя божье, и несметное множество дам, не столь щедро одаренных приятными достоинствами, бесились от зависти; каждая готова была бы подарить десять ночей самому уродливому мужчине, лишь бы поскорее возвратилась в свой замок красавица, возбуждавшая всеобщий восторг.

И вот одна молодая дама, прекрасно видя, что друг ее без ума от Берты, преисполнилась великой досады, от чего позднее проистекли все несчастья жены сеньора Батарне; но отсюда же пришло и ее блаженство — открытие неведомых ей дотоле заманчивых стран любви. У вероломной дамы был юный родственник, который сразу признался ей, лишь только увидел Берту, в своем страстном желании обладать ею, говоря, что согласился бы умереть за один месяц такого счастья. Заметьте, что юноша отличался совсем девической красотой, на подбородке его еще не пробивалось ни единого волоска, а голос его был столь мелодичен, что, если бы случилось ему молить о пощаде, даже лютый враг сжалился бы над ним; юноше этому едва минуло двадцать лет.

— Милый кузен, — сказала ему дама, — покиньте залу и отправляйтесь домой, а я приложу все старания, чтоб доставить вам желанное счастье. Только смотрите, не показывайтесь на глаза ни вашей фее, ни ее повелителю — безобразному павиану, коего по ошибке природы причислили к христианскому миру.

Прекрасный юноша удалился, а коварная дама пошла вертеться как лиса подле Берты, называя ее «мой дружок», «мое сокровище», «звезда красоты», стараясь на тысячи ладов угодить ей и тем вернее отомстить бедняжке, которая, сама того не ведая, отторгла от этой дамы сердце ее возлюбленного, а для женщин честолюбивых это самая тяжкая обида. Побеседовав с Бертой, упомянутая дама стала подозревать, что бедняжка осталась истой девственницей в любви: глаза ее были прозрачней кристально-чистого ручейка, на лбу и на висках не было ни единой морщинки, а на кончике изящного белоснежного носика нельзя было подметить ни одной черной точки, каковые обычно появляются у женщин, изведавших любовные тревожения, — словом, ни малейшего следа знакомства с любовью нельзя было обнаружить на личике Берты, ясном, как у невинной девы. Тогда предательница задала Берте несколько чисто женских вопросов и из ответов красавицы сразу уразумела, что, хотя она и познала материнство, наслаждения любви ей остались неведомы; и хитрая

² *Королева Екатерина.* — Екатерина Медичи, дочь Лоренцо Медичи, была в 1533 году выдана замуж за сына французского короля Франциска I, будущего Генриха II, с нею приехала из Италии многочисленная свита.

женщина порадовалась за своего кузена.

Она рассказала Берте, что в городе Лош находится сейчас молодая девушка из благородного семейства Роганов, которая нуждается в помощи какой-нибудь уважаемой дамы, чтобы добиться примирения с сеньором Луи де Роганом; она сказала, что если Берта, божьей милостью, столь же добра, сколь прекрасна, она должна взять эту девицу с собою в замок и, убедившись в ее добронравии, помочь ей сломить упрямство сеньора де Рогана, который отказывается принять ее обратно в свой дом. И Берта безо всякого колебания согласилась помочь девице, ибо уже слыхала о злоключениях бедняжки Сильвии Роган, но была незнакома с нею и полагала, что она живет в чужих краях.

Здесь надобно пояснить, почему Карл VII устроил празднество в честь Батарне. Дело в том, что король, подозревая о замысле дофина бежать в Бургундию, возымел желание отнять у него столь ценного советника, каким был Батарне. Однако старик, верный монсеньеру Людовику, уже успел втихомолку все подготовить к его отъезду.

Итак, сеньор Батарне повез Берту обратно в свой замок; тут она сказала, что захватила с собою из Лоша подругу, и представила ее мужу. Это был вышеупомянутый юноша, переодетый девицей стараниями своей кузины, ревновавшей к Берте и желавшей ее погубить в отместку за ее совершенства. Старик Батарне нахмурился, узнав, что речь идет о Сильвии де Роган, но затем, растроганный добротою Берты, даже похвалил ее за намерение помочь сей заблудшей овечке вернуться в лоно семьи.

Простившись хорошенько в последнюю ночь со своею доброй супругой, Батарне оставил в замке вооруженную стражу и отбыл затем с дофином в Бургундию, даже и в мыслях не имея, что у себя в доме он приютил злейшего своего врага.

Лицо юного красавчика было сеньору Батарне незнакомо, ибо то был паж, появившийся совсем недавно при королевском дворе и служивший бакалавром³ у графа Дюнуа. Старик Батарне, уверенный, что перед ним девица, нашел ее весьма почтительной и робкой: ведь юноша, опасаясь, чтобы его не выдали страстные взгляды, все время держал глаза опущенными долу; когда же на губах своих он ощутил поцелуй Берты, то, испугавшись, как бы юбка не выдала его, поспешно отошел к окну, объятый ужасом при мысли, что Батарне признает в нем мужчину и он будет убит раньше, чем насладится любовью своей милой. Словом, он был несказанно рад (как был бы рад всякий влюбленный на его месте), когда решетка в воротах опустилась и старый сеньор тронулся в путь на своем коне и исчез в полях. За день юноша натерпелся такого страха, что тут же дал обет воздвигнуть на свои средства колонну в Турском соборе за избавление от опасности, с коей было сопряжено его безумное предприятие. И правда, он пожертвовал целых пятьдесят марок серебром, чтобы отблагодарить бога за свое счастье. Но случилось так, что благодарность он принес не богу, а дьяволу, как то будет видно из дальнейших событий, ежели только рассказ пришелся вам по вкусу и вы пожелаете следить дальше за нитью повествования, которое будет сжатым, каким и должна быть всякая хорошая речь.

Глава вторая

О РАДОСТЯХ И ГОРЕСТЯХ БЕРТЫ, ПОЗНАВШЕЙ ТАЙНЫ ЛЮБВИ

Упомянутый выше бакалавр звался Жеан де Саше и приходился двоюродным братом графу де Монморанси, к которому после смерти Жеана и перешли, согласно закону наследования, все земельные владения де Саше; Жеану было двадцать лет от роду, и он пылал всем жаром молодости. Представьте же, как трудно ему пришлось с первого дня его пребывания в замке!

Пока старик Эмбер ехал на своем коне по полям, все больше удаляясь от замка, кузины пристроились на вышке дозорной башни, чтобы долгие его видеть, и посылали ему оттуда

³ *Бакалавр* — в средние века юноша знатного рода, еще не посвященный в рыцари.

тысячи прощальных приветов. Когда же облако пыли, поднятое конями, исчезло вдали, они спустились и прошли в залу.

— Что же мы будем делать, прекрасная кузина? — спросила Берта мнимую Сильвию. — Вы любите музыку? Хотите, сыграем что-нибудь вдвоем или споем какую-нибудь песенку, сложенную в старину менестрелем⁴? Хорошо? Вы согласны? Так пойдемте к моему органу. Сделайте это для меня. Давайте петь!

Взяв Жеана за руку, она повела его к органу, и юный приятель Берты сел за клавиши с чисто женской грацией.

— Ах, милая кузина! — воскликнула Берта, когда, взяв несколько аккордов, бакалавр повернул к ней голову, приглашая ее петь вместе. — Ах, милая кузина, взгляд ваших глаз обладает дивной силой и, не знаю почему, волнует меня до глубины души.

— О кузина, — отвечала коварная Сильвия, — ведь это как раз и погубило меня! Один прекрасный юноша, лорд из заморской страны, сказал мне однажды, что у меня красивые глаза, и стал так страстно их целовать, и поцелуи его показались мне столь сладостными, что я не в силах была противиться...

— Кузина, значит, любовь передается через глаза?

— Да, это — кузница, где купидон кует свои стрелы, моя милая Берта, — ответил ее обожатель, мечая своими взорами огонь и пламя.

— Давайте петь, кузина!

Тут они запели, по выбору Жеана, тенсону⁵ Кристины Пизанской⁶, где от первого до последнего слова все дышало любовной страстью.

— Ах, кузина, как сильно и как глубоко звучит ваш голос! Слушая вас, я вся замираю и трепещу.

— Где же вы ощущаете этот трепет? — спросила мнимая Сильвия.

— Вот здесь, — отвечала Берта, указывая на свою диафрагму, до коей любовные созвучия доходят еще лучше, чем до ушей, ибо диафрагма лежит ближе к сердцу и к тому, что может быть, вне всякого сомнения, названо первым мозгом, вторым сердцем и третьим ухом женщины. Поверьте, что я говорю с самым добрым намерением, имея в виду женскую природу и ничего более.

— Бросим пение, — молвила Берта, — оно меня чересчур волнует; лучше сядемте у окна и будем заниматься до вечера рукоделием.

— О милая Берта, сестра души моей! Я совсем не умею держать в пальцах иголку: я привыкла себе на погибель пользоваться руками для иных дел!

— Но чем же вы тогда весь день занимались?

— О! Меня нес по течению мощный поток любви, превращающий дни в мгновения, месяцы — в дни, а годы — в месяцы. И ежели бы это длилось вечно, я проглотила бы, как сочную ягоду, даже самую вечность, ибо в любви все свежо и благоуханно, все полно сладости и бесконечного очарования.

Тут приятельница Берты, опустив свои прекрасные глаза, задумалась, и уныние отобразилось на ее лице, словно у женщины, покинутой своим возлюбленным: она грустит о неверном и готова простить ему все измены, лишь бы сердце его пожелало вернуться к той,

⁴ *Менестрель* — в средние века поэт, состоящий на службе у какого-нибудь феодала, в отличие от странствующих поэтов, которые на юге Франции (в Провансе) назывались трубадурами, а на севере — труверами.

⁵ *Тенсона* — в средние века так назывались стихотворения, написанные в форме диалога двух поэтов, обсуждающих различные философские, любовные или литературные вопросы.

⁶ *Кристина Пизанская* — французская поэтесса, родом итальянка (1363—ок. 1431).

что была еще недавно предметом его обожания.

— Скажите, кузина, а в браке может возникнуть любовь?

— О нет, — отвечала Сильвия, — ведь в браке все подчиняется долгу, тогда как в любви все делается по свободной прихоти сердца, что как раз и придает особую сладость ласкам, этим благоуханным цветам любви.

— Кузина, оставим такой разговор, он приводит меня в смятение еще больше, чем музыка.

И, поспешно позвав слугу, Берта велела ему привести сына. Мальчик вошел, и Сильвия, увидя его, воскликнула:

— Ах, какая прелесть! Настоящий амур!

И она нежно поцеловала ребенка в лоб.

— Иди ко мне, мое милое дитя, — сказала мать, когда мальчик, подбежав, забрался к ней на колени. — Иди ко мне, моя радость, блаженство мое, единственное мое счастье, чистая жемчужинка, бесценное мое сокровище, венец моей жизни, зорька утренняя и вечерняя, мое сердечко, единственная страсть души моей! Дай мне твои пальчики — я их скушаю; дай мне ушки твои, я хочу легонько их укусить; дай головку твою — я поцелую твои волосики. Будь счастлив, мой цветик родненький, коли хочешь, чтоб я была счастлива!

— О кузина, — молвила Сильвия, — вы говорите с ним на языке любви.

— Разве любовь — дитя?

— Да, кузина, древние всегда изображали любовь в образе прекрасного ребенка.

В подобных разговорах, в которых уже зрела любовь, и в играх с ребенком прелестные кузины провели время до ужина.

— А вы не хотели бы иметь еще ребенка? — шепнул Жеан кузине в подходящую минуту на ушко, слегка коснувшись его горячими своими губами.

— О Сильвия, конечно, хотела бы! Я согласилась бы сто лет мучиться в аду, лишь бы господь бог даровал мне эту радость! Но, несмотря на все труды, усилия и старания моего супруга, для меня весьма тягостные, мой стан ничуть не полнеет. Увы! Иметь только одного ребенка — это ведь почти то же самое, что не иметь ни одного! Чуть послышится в замке крик, я сама не своя от страха, я боюсь и людей и животных, дрожа за это невинное, дорогое мне существо; меня пугает и бег коней, и взмахи рапиры, и все ратные упражнения — словом, решительно все! Я совсем не живу для себя, я живу только им одним. И мне даже нравятся все эти заботы, ибо я знаю, что, пока я тревожусь, мой сыночек будет жив и здоров. Я молюсь святым и апостолам только о нем! Но, чтобы долго не говорить, — а я могла бы говорить о нем до завтра! — скажу просто, что каждое мое дыхание принадлежит не мне, а ему.

С этими словами Берта прижала малютку к своей груди так, как умеют прижимать к себе детей только матери, — с той силой чувства, которая, кажется, способна раздавить собственное сердце матери, но ребенку нисколько не причиняет боли. Коли вы сомневаетесь, поглядите на кошку, когда она несет в зубах своих детенышей; никто ведь этому не удивляется.

Юный друг Берты, дотоле сомневавшийся, хорошо ли он сделает, вторгнувшись на заброшенное, но влекущее своей красою поле, теперь совсем успокоился. Он подумал, что отнюдь не погрешит против заповедей божьих, если завоюет для любви эту душу. И он был прав.

Вечером Берта, следуя старинному обычаю, от которого отказались дамы наших дней, пригласила свою кузину лечь вместе с нею в ее просторную супружескую кровать. Сильвия, как и подобало девице воспитанной и благородной, любезно ответила, что это будет для нее большою честью.

И вот, когда в замке прозвучал сигнал ко сну, обе кузины пошли в опочивальню, богато убранную коврами и красивыми тканями, и Берта стала с помощью служанок понемногу разоблачаться. Заметьте, что Сильвия, покраснев до ушей, стыдливо запретила кому-либо касаться ее и пояснила кузине, что она, мол, привыкла раздеваться совсем одна с той поры, как ей не услуживает возлюбленный, ибо после ласковых его прикосновений ей стали неприятны

женские руки, и что все эти приготовления ко сну приводят ей на память нежные слова и милые шалости, которые выдумывал ее друг при раздевании и которыми она тешилась себе на погибель.

Такие речи весьма удивили Берту, и она предоставила кухне читать вечерние молитвы, лежа под пологом на кровати, куда наш юноша, весь объятый любовным пылом, поспешил поскорее юркнуть, радуясь, что мог подглядеть мимоходом дивные прелести хозяйки замка, столь наивной и неиспорченной.

Берта, полагая, что подруга ее замужняя женщина, ни в чем не нарушила своих привычек: она вымыла себе ноги, ничуть не заботясь, видны ли они до колен или выше, обнажила свои нежные плечи и делала вообще все, что делают дамы перед отходом ко сну. Наконец, она подошла к постели, удобно в ней протянулась и, поцеловав на прощание свою кухню в губы, удивилась, как они горячи.

— Не больны ли вы, Сильвия? У вас, по-моему, жар!

— Я всегда так горю, когда ложусь спать, — ответил Жеан. — В этот час мне вспоминаются упоительные ласки, которые выдумывал мой друг, желая доставить мне удовольствие, и которые заставляли меня пылать еще сильнее.

— Ах, кухня, расскажите мне что-нибудь *о нем!* Поведайте обо всем, что есть в любви хорошего, поведайте той, кто живет под сенью стариковских седи, охраняющих своими снегами от пыла страстей. Расскажите об этом: ведь вы теперь исцелились от любовного недуга; мне ваш рассказ пойдет лишь на пользу, и злоключения ваши послужат спасительным уроком для нас обеих, несчастных женщин.

— Не знаю, следует ли мне послушаться вас, дорогая кухня, — ответил юноша.

— Но почему же вы сомневаетесь?

— Ах! Потому что лучше делать, чем говорить! — отвечала Сильвия, испутив тяжкий вздох, похожий на басовую ноту органа. — Кроме того, боюсь, что мой лорд слишком щедро одарил меня любовными радостями, и даже крохотной частицы их, которую я вам передам, будет вполне достаточно, чтобы подарить вам дочку, а во мне то, от чего родятся дети, на время ослабеет...

— Скажите по совести, — молвила Берта, — а это не будет грехом?

— Напротив, это будет праздником и здесь и на небесах; ангелы прольют на нас свои благоухания и будут услаждать нас райской музыкой.

— Расскажите ясней, кухня, — попросила Берта.

— Если вы желаете знать, — вот как одарял меня радостями мой прекрасный друг!

С этими словами Жеан, в порыве нахлынувшей страсти, заключил Берту в свои объятия; озаренная светильником, в белоснежных своих покрывалах, она была на этом греховном ложе прекрасней свадебной лилии, раскрывающей свои девственно белые лепестки.

— Обнимая меня так, как я сейчас обнимаю вас, — продолжал юноша, — он говорил мне голосом более нежным, чем мой: «О Сильвия, ты вечная любовь моя, бесценное мое сокровище, радость дней и ночей моих; ты светлее белого дня, ты милее всего на свете; я люблю тебя больше бога и готов претерпеть за тебя тысячу смертей. Умоляю тебя, подари мне блаженство!» И он целовал меня, но не так грубо, как целуют мужа, а нежно, как голубь целует свою голубку.

И тут же, чтобы показать, насколько лучше лобзают любовники, юноша прильнул поцелуем к устам Берты, пока не выпил с них весь мед; он научил ее, что своим изящным, розовым, как у кошки, язычком она может многое сказать сердцу, не произнося ни слова; затем, воспламеняясь все более и более от этой игры, Жеан перенес огонь своих поцелуев с губ на шею, а от шеи к самым прекрасным плодам, которыми женщина когда-либо вскормила своего младенца. И тот, кто не поступил бы точно так же, очутясь на его месте, мог бы по праву считать себя глупцом.

— Ах! — вздохнула Берта, без ведома своего уже охваченная любовью. — Вы правы. Я согласна: так гораздо приятнее... Надо будет рассказать об этом Эмберу.

— В своем ли вы уме, дорогая кухня? Не говорите ничего вашему старому мужу, он все

равно не может сделать свои руки, грубые, будто прачечный валец, такими мягкими и приятными, как мои, а его седая, колючая борода будет лишь оскорблять своим прикосновением этот источник всех наслаждений, эту розу, где таятся все наши помыслы, наше счастье и благополучие, вся любовь наша и вся судьба. Знаете ли вы, что живой цветок требует, чтобы его лелеяли, а не сокрушали, словно катапультой? Я покажу вам сейчас, как нежно обращался со мною англичанин, которого я любила.

И, говоря так, прелестный друг Берты, набравшись храбрости, затеял такую жаркую перестрелку, что бедняжка Берта воскликнула в непорочности души своей:

— О кузина, ангелы прилетели к нам! Пение их так прекрасно, что у меня не хватает силы ему внимать, а потоки света, которые они излучают, так ярки, что глаза мои закрываются...

И в самом деле Берта изнемогла под бременем любовных восторгов, звучавших в ней, как самые высокие ноты органа, сиявших, как самая великолепная заря, разливавшихся по ее жилам, как тончайший мускус; они разрешили в ней все узы жизни, чтобы дать жизнь плоду любви, возникающему в материнском лоне при столь бурном волнении, с которым ничто на свете сравниться не может. Берте казалось, что она вознеслась на небеса, до того было ей хорошо; очнувшись от райского сна в объятиях Жеана, она воскликнула:

— Ах, зачем я вышла замуж не в Англии!

— О прекрасная моя повелительница, — сказал Жеан, никогда еще не знавший такого блаженства, — ты соединилась со мной во Франции, где умеют любить еще лучше; ведь я — мужчина, и я отдал бы за тебя тысячу жизней, если бы их имел!

Тут бедная Берта испустила такой страшный крик, что от него содрогнулись стены, и соскочила с кровати, стремительная, как саранча из египетских казней. Упав на колени перед аналоем, она молитвенно сложила руки и заплакала, проливая столь обильные потоки жемчужных слез, каких не проливала и Мария Магдалина.

— О, горе мне! — вскричала она. — Я обманута дьяволом, принявшим облик ангела! Я погибла, ведь я отлично знаю, что стану матерью и произведу на свет прекрасное дитя, но я виновата не более, чем была виновата ты, дева Мария. Вымоли же мне прощение у бога, ежели мне не будет прощения на земле от людей, или пошли мне скорую смерть, чтобы мне не пришлось краснеть перед моим супругом и повелителем!

Услышав, что Берта не сказала ничего дурного о нем, и сильно озадаченный горьким ее раскаянием после столь упоительных игр любви, Жеан поднялся с кровати; но лишь только Берта услышала, что ее архангел Гавриил зашевелился, она тотчас вскочила на ноги и обратила к нему свое заплаканное лицо и глаза, пылавшие священным гневом, что делало их еще прекраснее.

— Если вы приблизитесь на один только шаг ко мне, — воскликнула она, — я сейчас же лишу себя жизни!

И она схватила кинжал. Тогда Жеан, у которого разрывалось сердце при виде ее страданий, воскликнул:

— Не тебе, а мне надобно умереть, дорогая, прекрасная моя подруга, которую я люблю так, как никто и никогда не будет любить ни одну женщину в мире.

— Если б вы и вправду так сильно меня любили, то не стали бы причинять мне столько страданий, — ведь я готова скорей умереть, чем навлечь на себя упреки своего супруга.

— Вы готовы умереть? — спросил Жеан.

— Да, конечно! — отвечала она.

— Но если я сам нанесу себе тысячу ран и погибну здесь, вы получите прощение от мужа. Вы скажете ему, что защищались от покушения на вашу добродетель и, охраняя супружескую честь, убили того, кто вас обманул. А для меня будет величайшим счастьем умереть за вас, раз вы отказываетесь жить для меня.

Слыша эти трогательные речи и видя на глазах у юноши слезы, Берта уронила кинжал, а Жеан в тот же миг схватил его и вонзил себе в грудь, восклицая:

— За такое счастье не жаль заплатить жизнью!

И он упал замертво.

В великом смятении Берта крикнула служанку. Та пришла и тоже страшно перепугалась, увидя в покоях своей госпожи какого-то незнакомца, обливающегося кровью, и слыша, как, поддерживая его, госпожа восклицала: «Ах, что вы, друг мой, наделали!» — ибо Берта считала Жеана мертвым и, вспоминая о несравнимом ни с чем блаженстве, ею испытанном, думала о том, как прекрасен был Жеан, если все, в том числе и Батарне, принимали его за юную деву. В отчаянии она все рассказала служанке, плача и жалуясь, что теперь у нее на душе будет не только жизнь ребенка, но и смерть отца.

Услыша такие слова, несчастный юноша попытался открыть глаза, но тщетно: блеснули на мгновение лишь узкие полоски белков.

— Сударыня, не надо плакать! Не будем терять рассудок от горя, — молвила служанка. — Подумаем лучше, как спасти этого прекрасного рыцаря. Вот что, я сбегаю сейчас за Фалоттой, чтобы не посвящать в вашу тайну никакого лекаря или врача. Фалотта — колдунья, и в угоду вам она будет рада совершить чудо: старуха так хорошо залечит эту рану, что и следа от нее не останется!

— Беги! — сказала Берта. — Я отблагодарю тебя за твое усердие. Проси, чего хочешь.

Но прежде всего госпожа и служанка решили, никому ничего не говоря о происшедшем, укрыть Жеана от посторонних глаз. Служанка отправилась тут же, ночью, за Фалоттой, и Берта сама проводила ее до потайного хода, потому что страже было запрещено поднимать решетку без особого распоряжения госпожи. Вернувшись в опочивальню, Берта нашла своего прекрасного друга без сознания от потери крови, которая, не переставая, текла из его раны. Тут Берта склонилась к нему и коснулась устами кровавой струйки, думая о том, что Жеан пролил свою кровь ради нее.

Охваченная глубоким волнением пред лицом столь великой любви и страхом за жизнь милого юноши, вестника наслаждений, Берта поцеловала его и перевязала рану, омывая ее слезами, умоляя Жеана не умирать и обещая горячо любить его, лишь бы он остался жив. Заметьте, что, видя огромную разницу между стройным, безбородым, цветущим юношей и волосатым, желтым, морщинистым стариком Эмбером, хозяйка замка все больше опьянялась любовью. При сравнении этом ей снова и снова вспоминались только что пережитые восторги любви. И от этих воспоминаний поцелуи ее становились столь сладостными, что к Жеану вернулось сознание, взгляд его прояснился, он уже мог различать Берту и слабым голосом попросил у нее прощения. Но она запретила раненому разговаривать, пока не придет Фалотта. Все это время они только молча смотрели друг на друга, и хотя в глазах Берты светилось лишь сострадание, при подобных обстоятельствах сострадание весьма схоже с любовью.

Горбунью Фалотту называли ведьмой и сильно подозревали, что она летает на шабаш верхом на помеле, как это водится у ведьм. Иные даже собственными своими глазами видели, как она седлает помело в своей конюшне, а конюшней ведьмам, как известно, служит дымовая труба. Сказать правду, Фалотта знала многие тайные средства и умела оказывать в некоторых случаях столь важные услуги и дамам и кавалерам, что могла в полном спокойствии доживать свой век, зная, что помирать она будет не на охапке соломы, а на пуховой перине, ибо она накопила уйму денег, на зависть всем лекарям, утверждавшим, что она торгует ядами, — что и было, как вы увидите из дальнейшего, сущей правдой.

Служанка и Фалотта, усевшись вдвоем на одну лошадь, так торопились, что день едва еще брезжил, когда они прибыли в замок. Войдя в спальню госпожи, старая колдунья спросила:

— Ну что у вас стряслось, дети мои?

Таково было всегдашнее, несколько грубоватое обращение старухи с большими людьми, которые в ее глазах оставались малыми ребятами. Нацепив свои очки, она весьма умело осмотрела рану и сказала:

— Экая прекрасная кровь! Вы, моя милая, сами ее отведали. Все пойдет на лад, кровь вышла наружу.

И она стала омыwać мягкой губкой рану на глазах у госпожи и служанки, затаивших дух

от волнения. Затем она важно заявила, что молодой человек не умрет от этой раны, но, поглядев на его ладонь, прибавила, что ему суждено погибнуть насильственной смертью как раз из-за того, что произошло этой ночью. Приговор колдуньи поверг в ужас Берту и ее служанку. Фалотта предписала все необходимые средства для лечения и обещала на следующую ночь прийти опять. Так в течение двух недель она врачевала рану, приходя тайком по ночам в замок. Жителям замка было сообщено служанкой, что Сильвии де Роган грозит смертельная опасность из-за опухоли в животе, и болезнь ее должна храниться в тайне, дабы не запятнать честь хозяйки замка, которой Сильвия приходится кузиной. Все поверили выдумке и передавали ее из уст в уста.

Добрые люди могут подумать, что опасным было ранение. Ничуть не бывало, — опасным оказалось выздоровление, ибо чем больше сил набирался Жеан, тем меньше их становилось у Берты. Под конец она стала до того слаба, что уже сама готова была броситься в тот рай, куда ее вознес Жеан. Короче говоря, с каждым часом она любила его все больше.

Но и посреди сладостных утех ее все время терзало беспокойство от страшного предсказания Фалотты, мучил жгучий стыд за свой проступок против религии и страх перед супругом, коему Берта вынуждена была наконец написать, что она от него понесла и подарит ему ребенка к его приезду; но эта ложь была для нее бременем куда более тяжким, чем ребенок, шевелившийся у нее под сердцем. В продолжение всего дня, когда она писала это лживое письмо, бедняжка старалась не встречаться с милым своим другом и заливалась горячими слезами.

Видя, что Берта его избегает, хотя до тех пор они были неразлучны, как огонь и охваченные огнем дрова, Жеан подумал, что она разлюбила его, и тоже стал горевать. Вечером Берта, тронутая слезами Жеана, все набегавшими на его глаза, как он ни вытирал их, поведала ему о причине своей грусти, о своей тревоге за будущее и рассказала, какая великая вина лежит на них обоих; речи ее были так прекрасны, так полны христианским смирением, сопровождалась столь обильными слезами и сокрушенными вздохами, что Жеан был тронут до глубины души добродетелью своей подруги. Любовь Берты, наивно смешанная с раскаянием, благородное признание своей вины, дивное сочетание слабости и силы могли бы, как говорили древние авторы, укротить даже лютого тигра. И вы, конечно, не удивитесь, что Жеан дал своей любимой честное слово рыцаря исполнить все, что она ему прикажет, — ради благополучия ее в земной жизни и для спасения души на том свете.

Слыша речи Жеана, полные сердечной доброты и доверия, Берта бросилась к его ногам и, обнимая его колени, воскликнула:

— О друг мой, разве могу я, хоть это и смертный грех, не любить тебя! Ты так добр, так милосерден к своей несчастной Берте! Если ты хочешь, чтобы я думала о тебе всегда с самой нежной любовью и остановила поток жгучих своих слез, источник коих столь мил моему сердцу (и в доказательство она позволила возлюбленному сорвать поцелуй с ее уст), если ты хочешь, чтобы воспоминание о наших небесных радостях, пении ангелов и благоуханной любви никогда не было для меня тягостным, а, напротив, утешало меня в дни печали, сделай то, что повелела совершить пресвятая дева, когда я умоляла ее просветить меня и прийти на помощь в моей беде. Она предстала передо мной во сне, и я поведала ей, какими ужасными, неутолимыми муками стану я терзаться, дрожа за своего младенца, которого я уже ощущаю под сердцем, и за истинного его отца, который будет всецело отдан во власть оскорбленного им человека и может искупить свое отцовство, лишь претерпев насильственную смерть, как то предсказала, заглянувши в будущее, Фалотта. И тогда пресвятая дева, ласково улыбаясь, сказала мне, что святая церковь дарует нам прощение наших грехов, если мы будем следовать ее велениям, и что надо самому подвергнуть себя адским мукам, очищая душу свою от скверны, а не дожидаться, когда нас покарает небесный гнев. Затем она указала святым своим перстом на тебя, вернее, на Жеана, во всем подобного тебе, но носящего ту одежду, в какую ты должен будешь облечься, если любишь и вечно будешь любить свою Берту.

Жеан подтвердил Берте свою готовность во всем ей повиноваться, потом поднял ее и усадил к себе на колени, осыпая поцелуями. А тогда бедняжка Берта сказала ему, что одежда,

в которую надлежит ему облечься, — монашеская ряса, и, боясь получить отказ, стала умолять его удалиться от мира в монастырь Мармустье близ Тура, клятвенно обещая подарить ему последнюю ночь, после чего она уже вовек не будет принадлежать ни ему и никому другому на свете. И каждый год, сказала она, в награду за послушание, она разрешит ему приходить на один день к ней в замок, чтобы повидать своего ребенка. Связанный словом, Жеан пообещал своей милой исполнить ее желание и постричься в монахи, прибавив, что таким путем он навсегда останется ей верен и не будет искать любовных наслаждений после тех, что он вкусил в божественной близости с нею; дорогим воспоминанием о недолгом счастье он будет жить до конца дней своих.

В ответ на нежные его речи Берта сказала, что, как бы ни был велик ее грех, какую бы кару ей ни готовил всевышний, она согласна все претерпеть ради тех минут блаженства, когда она думала, что принадлежит не обыкновенному смертному, но ангелу небесному.

И вот они снова возлегли на то ложе, где зародилась их любовь; они хотели сказать последнее прости всем прекрасным ее цветам. Надо полагать, сам купидон участвовал в этом празднестве, ибо еще никогда на земле женщина не испытывала подобного блаженства и ни один мужчина так не наслаждался.

Истинной любви всегда свойственно согласие, в силу которого чем больше дает один, тем больше получает другой, подобно тому, как математические величины могут при известных условиях умножаться до бесконечности. Для людей, не обладающих ученостью, мысль эту можно пояснить тем явлением, какое наблюдается в покоях, убранных венецианскими зеркалами, где можно видеть тысячи отражений одного и того же предмета. Вот так же в сердцах двух влюбленных расцветают бесчисленные розы блаженства, заставляя их изумляться, как в нежащей глубине может вмещаться столько радостей. Берте и Жеану хотелось, чтобы ночь эта была последней в их жизни, и, замирая в истоме, сладко разливавшейся по всему телу, они и впрямь думали, что любовь вот-вот унесет их из жизни на крыльях смертоносного лобзания; но оба держались стойко, несмотря на бесконечно множимые наслаждения.

На следующий день, ввиду того, что возвращение сеньора Батарне приближалось, девица Сильвия должна была уехать. Бедняжка покидала свою кузину, заливаясь слезами, осыпая ее поцелуями; каждый из поцелуев был последним, и «последние» эти поцелуи длились до самого вечера. Но разлука была неизбежной, и Жеан разлучился с Бертой, хотя кровь в его сердце застывала, как ярый воск, капающий с пасхальной свечи. Верный своему обещанию, он отправился в монастырь Мармустье, прибыл туда в одиннадцатом часу следующего дня и был принят в послушники наравне с прочими. Сеньору Батарне сообщили, что Сильвия возвратилась к «милорду», а слово это означает в Англии «господь», и, стало быть, Берта, говоря так, не солгала.

Радость законного супруга, когда по приезде он увидел Берту в свободном платье (стан ее так располнел, что она уже не могла носить пояса), усугубляла мученья бедняжки Берты, не умевшей притворяться и обманывать; после всякого лживого слова она бросалась в свою опочивальню к аналою и, заливаясь кровавыми слезами, слала мольбы святым угодникам божьим, вручая им свою судьбу; и так страстно взывала она к небу, что господь услышал ее, ибо он слышит все — и шум камней, перекатываемых волной, и горькие стенания бедняков, и полет мухи в воздухе. Не забывайте этого, иначе вы, пожалуй, не поверите тому, что произошло. Дело в том, что вседержитель повелел архангелу Михаилу обратить для этой кающейся грешницы в кромешный ад пребывание ее на земле, дабы после смерти она беспрепятственно могла вступить в рай. И вот святой Михаил спустился с небес к вратам адовым и отдал во власть дьяволу три человеческие души, слитых воедино; он возвестил дьяволу, что ему дозволено мучить сих несчастных до скончания их дней, — и архангел указал ему на Берту, Жеана и на их дитя. Дьявол, который по воле божьей является князем зла, ответил, что он не преминет исполнить сие повеление неба.

А на земле жизнь меж тем шла своим чередом. Красавица Берта Батарне подарила своему супругу прелестного младенца — мальчика, цветущего, как розы и лилии, разумного,

как младенец Иисус, шаловливого и лукавого, как языческий Амур, хорошевшего день ото дня, тогда как старший сын Батарне становился все более похож на обезьяну — сходство его с отцом было ужасающим!

Младший ребенок, сиявший, как звездочка в небе, походил на отца и на мать, ему передались все лучшие телесные и духовные совершенства их, и врожденное изящество сочеталось в нем с редкими способностями. Видя сию чудесную гармонию отменных качеств плоти и духа, Батарне клялся и божился, что желал бы считать своего младшего сына старшим, и заявлял, что добьется этого при поддержке короля.

Берта не знала, как ей быть, — она обожала младшего сына, ребенка Жеана, и теперь куда меньше любила старшего, хотя и старалась защитить его от коварных замыслов отца. В конце концов, подчиняясь обстоятельствам, она облекла свою совесть панцирем лжи и думала, что с прошлым все кончено, ибо целых двенадцать лет протекло безо всякой помехи, ежели не считать сомнений, отравлявших порой ее счастье. Каждый год, по уговору, монах из Мармустье, не ведомый никому, кроме служанки, приходил на целый день в замок повидаться с сыном, хотя Берта много раз просила своего друга отказаться от этого права. Но Жеан говорил, указывая на ребенка:

— Ты видишь его что ни день круглый год, а я только один раз в году.

И бедная мать не находила слов для возражения.

За несколько месяцев до последнего восстания дофина Людовика против отца его и короля мальчику пошел двенадцатый год, и, казалось, ему суждено было стать ученым человеком, так преуспевал он во всех науках. Никогда еще старик Батарне не чувствовал себя столь счастливым отцом; он решил взять младшего сына с собой ко двору в Бургундию, где герцог Карл⁷ обещал создать для его любимца положение, коему могли бы позавидовать даже принцы крови, ибо герцог Бургундский всегда благоволил к людям, одаренным высоким разумом.

Видя, что в семье Батарне все идет мирно и гладко, дьявол решил, что пришла пора сотворить зло: он взял да и сунул свой хвост в полную чашу сего благоденствия, дабы по прихоти своей возмутить его и разрушить.

Глава третья

О СТРАШНОЙ КАРЕ, ПОСТИГШЕЙ БЕРТУ, О ТОМ, КАК БЕРТА ИСКУПИЛА СВОЙ ГРЕХ И УМЕРЛА ПРОЩЕННОЙ

Служанка Берты, дожив до тридцати пяти лет, вдруг влюбилась по уши в одного из солдат сеньора Батарне и была столь глупа, что позволила ему ухватить два-три хлебца из своей печи; вскоре во чреве ее выросла естественная опухоль, которую балагуры в тех краях называют «девятимесячной водянкой». Бедняжка попросила добрую свою госпожу походатайствовать за нее перед сеньором, чтобы он заставил соблазнителя покрыть грех перед алтарем. Берте без особого труда удалось получить согласие своего супруга, и служанка была весьма довольна. Старый вояка, всегда непреклонно суровый, призвал виновника к себе на суд, хорошенько пробрал его и, угрожая виселицей, приказал жениться на обольщенной служанке, на что тот и согласился, дорожа больше своей головой, чем покоем. Затем сеньор Батарне призвал к себе провинившуюся служанку и, для поддержания чести своего дома, долго читал ей наставления, уснащая свою речь звучными эпитетами и крепкой бранью, так что бедняжка стала опасаться, как бы ее вместо замужества не бросили в тюрьму. Она подумала, что таким способом госпожа хочет отделаться от нее, дабы похоронить тайну рождения своего любимого сына. И вот, когда старая обезьяна Батарне выкрикивал обидные слова, вроде того, что «надо быть безумным, чтобы терпеть у себя в доме распутную девку»,

⁷ Герцог Карл (Карл Смелый) — герцог Бургундский с 1467 по 1477 год, злейший враг французского короля Людовика XI.

она вдруг заявила, что он, наверно, сам ума лишился, ибо собственная его жена уже давно предается распутству, и притом с монахом, что для воина должно быть всего оскорбительнее.

Вспомните самую сильную грозу, какую вам приходилось видеть в жизни, и вы получите лишь слабое представление о неистовой ярости, овладевшей стариком Батарне, который был поражен в самое чувствительное место своей души, где жила любовь к жене и сыну. Он схватил служанку за горло и тут же хотел прикончить ее. В перепуге она принялась оправдываться, приводить разные доводы и сказала, что коли он не верит ей, так пусть поверит собственным ушам, пусть спрячется в укромном уголке в тот день, когда в замок придет Жеан де Саше, приор монастыря Мармустье; сеньор Батарне услышит тогда нежные отцовские речи монаха в тот единственный день в году, когда брат Жеан приходит сюда получить разрешение от поста, который терпит весь год, и обнять своего родного сына. Эмбер Батарне приказал служанке сию же минуту убираться из замка, ибо, сказал он, ежели обвинения ее правильны, он немедленно убьет ее, и точно так же убьет ее, ежели все окажется ложью и выдумкой. Тут же он дал ей сто червонцев, а вдобавок наградил ее мужем, обязав обоих еще до ночи выехать из Турени; для большей верности он приказал своему офицеру проводить их немедленно в Бургундию. Сообщив жене об их отъезде, Батарне сказал, что служанка эта — испорченная тварь, и он счел разумным ее прогнать, что подарил он ей сто червонцев, а для ее дружка нашел место при бургундском дворе. Берта удивилась, узнав, что служанки нет больше в замке и что та уехала, не простившись с нею, своей госпожой; но она не сказала о том ни слова.

Вскоре у нее появились новые заботы и опасения, ибо у мужа ее стали обнаруживаться некие странности: он то и дело приглядывался к своим сыновьям, сравнивал, находил сходство с собою у старшего сына и не видел ни одной своей черты у младшего, коего он так любил: и нос, и лоб, и все прочее были у мальчика совсем иными, чем у Батарне.

— Он весь в меня, — сказала однажды Берта в ответ на его намеки. — Разве вы не знаете, что в добрых семьях дети всегда бывают похожи то на отца, то на мать, а иной раз и на обоих вместе, ибо мать свои жизненные силы сливает с жизненными силами отца? Умные люди уверяют даже, что им приходилось видеть детей, у которых не было ни одной черты, сходной с отцом или матерью, и они говорят, что тайны сии ведомы только господу богу!

— Ого, какой вы стали ученой, мой друг! — отвечал ей Батарне. — А я вот, по своему невежеству, полагаю, что ребенок, похожий на монаха...

— От монаха этого и родился? — перебила его Берта, бесстрашно глядя мужу в глаза, хотя кровь леденела в ее жилах.

Старик подумал, что он ошибся, и в душе проклинал служанку, но действовал с тем большим рвением, решив все вывести на чистую воду. Поскольку близился день, назначенный для монаха Жеана, Берта, обеспокоенная словами мужа, написала своему другу письмо, в коем выражала желание, чтобы в этом году он не приходил, обещая потом все ему объяснить; затем она отправилась в город Лош к горбунье Фалотте, поручила ей передать письмо Жеану и успокоилась, полагая, что опасность миновала.

Письмо пришлось тем более кстати, что сеньор Батарне, который обычно в пору, назначенную монаху для ежегодного его праздника, уезжал в провинцию Мэн, где у него были обширные земельные владения, на сей раз не поехал туда, объясняя это необходимостью все подготовить к восстанию, задуманному дофином Людовиком против своего отца. (Как известно, король был потрясен тем, что сын поднял на него оружие, и вскоре скончался от горя.) Приведенная мужем причина была столь основательна, что у бедняжки Берты совсем исчезла тревога, лишавшая ее сна по ночам.

Но вот в условленный день приор, как всегда, появился в замке. Увидев его, Берта побледнела и спросила:

— Разве ты не получил письма?

— Какого письма? — с удивлением сказал Жеан.

— Значит, мы все погибли — и ребенок, и ты, и я! — воскликнула Берта.

— Почему? — спросил приор.

— Не знаю, — отвечала Берта, — знаю только то, что пришел наш последний день.

Тут она спросила у своего горячо любимого сына, где находится сейчас сеньор Батарне. Мальчик ответил, что отца вызвали нарочным в Лош и вернется он лишь к вечеру. Услыхав об этом, Жеан хотел, вопреки настояниям своей подруги, еще побыть с нею и с милым своим сыном, уверяя, что не может произойти никакого несчастья: ведь двенадцать лет благополучно протекли со дня появления на свет их ребенка. В те дни, когда они праздновали годовщину событий той достопамятной ночи, о которой читатель уже знает, Берта оставалась обычно с монахом в своей спальне до самого ужина. Но ныне, взволнованные опасениями, которые уже разделял и Жеан, когда подруга ему все рассказала, они решили пообедать пораньше; приор старался поддержать в Берте бодрость, объясняя ей особое положение служителей церкви и уверяя, что Батарне, на которого и без того при дворе смотрят косо, не дерзнет посягнуть на жизнь сановника церкви, настоятеля монастыря Мармустье.

Случайно вышло так, что, когда они садились за стол, мальчик их был занят игрой, и, хотя мать неоднократно звала его, он ни за что не хотел бросить свою забаву: он кружился по двору замка верхом на породистом испанском жеребце, подаренном Батарне Карлом Бургундским. И, так как в юном возрасте люди всегда хотят казаться старше — пажи стремятся походить на бакалавров, а бакалавры на рыцарей, — мальчугану доставляло удовольствие похвастаться перед своим другом монахом, какой он стал большой: он поднимал своего жеребца в галоп, и тот скакал по двору, как блоха по простыне, а мальчик сидел в седле крепко, словно опытный, старый вояка.

— Оставь его, дорогая моя, пусть себе тешится! — молвил монах, обращаясь к Берте. — Из непослушных детей часто выходят люди, сильные духом.

Берта едва прикасалась к еде, ибо сердце у нее все больше щемило от смутной тревоги. А Жеан, лишь только он проглотил несколько кусочков кушанья, ощутил жжение в желудке и терпкий, вяжущий вкус во рту; монах был человек ученый, и сразу же у него возникло подозрение, что Батарне подсыпал им отравы.

Раньше, чем он уверился в этом, Берта уже отведала пищи. Внезапно монах сдернул со стола скатерть, сбросил все, что на ней было, в очаг и поделился с Бертой своим подозрением. Берта возблагодарила пресвятую деву за то, что сын их так увлекся своей забавой.

Ничуть не растерявшись, припомнив те времена, когда он был еще пажом, Жеан бросился во двор, снял сына с коня, вскочил в седло и, вонзая изо всех сил каблуки в бока жеребца, помчался по полям с быстротою падающей звезды; он очутился в доме у Фалотты в столь короткий срок, в какой мог бы доскакать к ней от замка Батарне разве только дьявол. Яд уже нестерпимо жег ему нутро; рассказав, что случилось, монах попросил у колдуньи противоядия.

— Ах, какое горе! — воскликнула Фалотта. — Да ежели б я только знала, что у меня требуют яд именно для вас, я бы лучше дала перерезать себе горло кинжалом, которым мне угрожали, лучше бы рассталась с жалкой своей жизнью, а не погубила бы жизнь служителя божия и самой милой женщины, украшавшей когда-либо землю! Нет у меня противоядия! Лишь самая малость осталась вот в этой склянке.

— Для нее этого хватит?

— Да, только надо спешить, — отвечала старуха.

Монах помчался в обратный путь еще быстрее, чем ехал в Лош, загнал коня, и тот пал, прискакав во двор замка. Когда Жеан вошел в опочивальню, Берта, думая, что пришел ее смертный час, обнимала свое дитя, корчась от мук, как ящерица на огне; но она не испустила ни единого крика, ибо забывала о собственных страданиях при мысли о том ужасном будущем, какое ожидает ее ребенка, отданного на произвол разъяренного Батарне.

— Вот, выпей скорее это! — сказал ей монах. — А моя жизнь уже спасена.

У Жеана хватило мужества произнести эти слова, не изменившись в лице, хотя он чувствовал, что смерть уже сжимает когтями его сердце. Лишь только Берта выпила противоядие, приор упал мертвым, едва успев поцеловать сына и устремив на свою подругу последний взгляд, полный любви. Берта похолодела, как мрамор, и оцепенела от ужаса при

виде бездыханного тела Жеана, распростертого у ее ног; она стояла, крепко сжимая руку своего сына; мальчик заливался слезами, у нее же самой глаза были сухи, как дно Чермного моря, когда Моисей вел по нему евреев, и ей казалось, что под веками ее пересыпаются раскаленные песчинки. Молитесь за нее, милосердные души, ибо еще ни одна женщина не переживала таких жестоких мучений, как Берта, когда она догадалась, что Жеан спас ее ценою своей собственной жизни. С помощью сына она перенесла на кровать тело усопшего, а сама встала у изголовья и начала молиться вместе с сыном, коему она только сказала, что приор был его настоящим отцом. Так ожидала она роковой минуты — и роковая минута настала; в одиннадцатом часу вечера возвратился сеньор Батарне и при въезде в замок узнал, что монах скончался, а Берта и сын живы; во дворе он увидел труп своего прекрасного испанского жеребца.

Тогда, охваченный бешеным желанием прикончить сейчас же и Берту и сына монаха, Батарне в два прыжка взбежал по лестнице; но когда он увидел мертвеца, а возле него жену и сына, которые читали молитвы, не слыша яростных проклятий Батарне и не замечая искаженного лица его и диких угрожающих жестов, у него не хватило духу совершить над ними черное злодеяние.

Когда же остыл первый порыв гнева, он, не зная, на что решиться, стал ходить взад и вперед по зале, как трусливый убийца, пойманный на месте преступления, и в ушах у него все звучали молитвы, которые непрерывно читались над телом монаха. Так, в слезах, в стенаниях и молениях прошла вся ночь.

Утром, по распоряжению госпожи, одна из служанок отправилась в Лош купить для Берты одежду, какую носили тогда благородные вдовы, а несчастному сыну ее — небольшую лошадь и полное рыцарское вооружение. Батарне был немало удивлен, узнав об этом; он велел позвать к себе жену и сына монаха, но ни мальчик, ни мать не откликнулись на его зов и стали поспешно облекаться в одежды, купленные для них служанкой. Той же служанке Берта приказала свести все счета по дому и составить опись всех платьев своей госпожи, жемчугов, бриллиантов и прочих драгоценностей, как то обычно делается при отречении вдовы от своих прав. Берта велела внести в список даже свою сумку для раздачи милостыни, дабы все было сделано как положено и не было упущено никакой мелочи.

Слух об этих приготовлениях тотчас разнесся по замку; все поняли, что хозяйка решила их покинуть. Скорбь и смятение охватили все сердца, они овладели душой даже маленького поваренка, появившегося в замке всего неделю назад и заливавшегося ныне слезами, так как и ему Берта уже успела сказать ласковое слово.

Испуганный этими сборами к отъезду, старик Батарне вошел в комнату жены и застал ее плачущей над телом Жеана, ибо из глаз ее полились, наконец, слезы; но при виде своего супруга она тотчас же осушила их. На бесконечные его вопросы она отвечала кратко, признав свою вину и рассказав, как она была введена в заблуждение, как бедный паж нанес себе рану — и она показала рубец на теле покойника, — как долго длилось его выздоровление, как затем, из послушания ей и во искупление своего греха перед людьми и перед богом, удалился он в монастырь, отказавшись от славной жизни рыцаря и от продолжения своего рода, что, разумеется, еще тяжелее смерти; как, мстя за поруганную свою честь, она решила все же, что и сам бог не отказался бы подарить этому монаху один день в году для свидания с сыном, коему он пожертвовал всем, и что, не желая жить с убийцей, она покидает ныне свой дом, оставляя в нем все принадлежащее ей добро; она сказала затем, что ежели честь семьи Батарне запятнана, то не она, а он, супруг ее, виновник сего позора, ибо, после того как произошло несчастье, она все уладила как нельзя лучше; наконец, Берта прибавила, что она дала обет скитаться по горам и долам вместе с сыном, пока не будет искуплено полностью ее прегрешение, а она знает, как его искупить.

Бледная и полная достоинства, произнесла Берта эти трогательные слова, а затем взяла дитя свое за руку и вышла из дому, одетая в глубокий траур и ослепительно прекрасная,

прекраснее Агари⁸, уходящей от патриарха Авраама, и столь величественная, что, когда она проходила мимо, все обитатели замка преклоняли колена и, молитвенно сложив руки, зывали к ней, словно к богоматери. И было жалости достойно видеть, как позади всех, словно преступник, ведомый на казнь, шагал старик Батарне и плакал, ибо он осознал свою вину и впал в отчаяние.

Берта не хотела слушать никаких увещаний. Уныние, овладевшее всеми, было столь велико, что мост оказался опущенным, и Берта ускорила шаг, дабы поскорее выйти из замка, опасаясь, как бы внезапно мост снова не подняли; но никто не помышлял об этом, так были все удручены и растеряны. Берта села у края рва, откуда был виден весь замок, обитатели коего со слезами на глазах умоляли ее остаться. Бедняга Батарне стоял, положив руку на цепь подъемного моста, немой и неподвижный, словно каменное изваяние святого над воротами замка; он видел, как, проходя по мосту, Берта велела сыну отряхнуть прах от ног своих в знак того, что отныне они навсегда порывают с родом Батарне; то же сделала и она сама. Затем, торжественно указуя перстом на владельца замка, она обратилась к сыну со следующими словами:

— Дитя, вот убийца твоего отца, который был, как ты знаешь, бедным приором. Но имя свое ты получил вот от этого человека. Ныне ты отрекаешься от имени его и от всего, что принадлежит ему, в знак чего, уходя из замка, ты отряхнул прах от ног своих. А за то, что ты рос и кормился в его доме, мы, с божьей помощью, с ним рассчитаемся.

Слыша и видя этот скорбный обряд отречения, старик Батарне простил бы с радостью своей жене целую обитель монахов, лишь бы не быть покинутым ею и прекрасным отроком, обещавшим стать гордостью его дома. Поникнув головой, стоял он возле натянутой цепи моста.

— Что, дьявол, ты торжествуешь?! — воскликнула Берта, совсем не ведая, какое участие принимал на самом деле дьявол во всем происходящем. — Но да помогут мне в сей лютой беде всевышний, святые мученики и архангелы, коим я так усердно молилась!

И внезапно сердце Берты преисполнилось утешением, ниспосланным ей самим небом: в поле, на повороте дороги, показались хоругви монастыря Мармустье и слышались церковные песнопения, словно зазвучали ангельские голоса. Монахи, до которых дошла весть о злодейском убийстве их любимого приора, двинулись торжественной процессией за его телом в сопровождении церковного суда. Завидя их, сеньор Батарне едва успел со своими людьми бежать из замка через потайной ход; он направился тотчас же к дофину Людовику, бросив все на произвол судьбы.

Несчастливая Берта, сидя на лошади позади сына, отправилась в Монбазон проститься со своим отцом; она сказала ему, что не в силах пережить постигшего ее удара; как ни старались родные ее утешить, успокоить ее душу, — все было тщетно. Старый Роган подарил своему внуку прекрасные доспехи, сказав юноше, что он должен своими подвигами стяжать себе такую честь и славу, чтобы вина его матери обратилась в вечную ей хвалу. Сама же Берта старалась внушить своему дорогому сыну лишь мысль о том, что ныне необходимо искупить содеянный ею грех, дабы спасти ее и Жеана от вечного осуждения. И вот оба они, мать и сын, направились туда, где дофин поднял восстание; они горели желанием оказать такую услугу Батарне, чтобы он был им обязан больше, чем жизнью.

Очаг восстания находился тогда, как известно, в окрестностях Ангулема и Бордо, в провинции Гиэнь, и еще в других местах королевства, где в скором времени должны были произойти крупные столкновения между мятежниками и королевскими войсками. Решающая битва, положившая конец войне, разыгралась между Рюфеком и Ангулемом, после чего взятые в плен бунтовщики были повешены или преданы суду. Сражение это, где войсками

⁸ Агарь — в библии рабыня Авраама, изгнанная из дома его женой Саррой.

мятежников руководил старик Батарне, произошло в ноябре месяце, то есть примерно полгода спустя после убийства приора.

Барону в то время стало известно, что участь его решена и он будет обезглавлен, как первый советник дофина. И вот, когда войска его отступали, старик внезапно увидал, что его окружили шесть неприятельских воинов и стараются взять его в плен. Тут он понял, что его хотят схватить живьем, дабы судить в королевском суде, обесчестить его имя и отнять все достояние. Бедняга предпочитал погибнуть, лишь бы спасти своих людей и сохранить для сына свои владения; он защищался, как лев. Солдаты, видя, что, несмотря на перевес в числе, не могут его одолеть (трое из них пали), вынуждены были усилить напор, даже рискуя убить Батарне. Они обрушились на него все вместе, сразив двух оруженосцев Батарне и его пажа.

И вдруг в минуту смертельной для Батарне опасности примчался какой-то неизвестный оруженосец с гербом Роганов на доспехах, ринулся молнией на нападавших и с громким кличем: «Да хранит всевышний род Батарне!» — уложил на месте двоих солдат. На третьего, уже схватившего старика Батарне, он кинулся с такою силой, что солдату пришлось выпустить пленника из рук и обернуть свое оружие против безвестного оруженосца, коему он и нанес удар кинжалом в грудь, в не защищенное латами место.

Батарне, будучи человеком благородным, не захотел бежать, оставив без помощи защитника своей чести и жизни, коего, оглянувшись, он увидел распростертым на земле. Одним ударом палицы Батарне сразил неприятельского солдата, а затем, перекинув раненого оруженосца через седло, ускакал в поле и вскоре очутился вне опасности; повстречавшийся в пути человек проводил его в замок Ларошфуко, куда Батарне добрался поздно ночью; здесь, в большой зале, он нашел Берту Роган, которая, как оказалось, и позаботилась о надежном убежище для него. Сняв со своего спасителя доспехи, Батарне узнал в нем сына Жеана; отрок лежал на столе, и жизнь еле теплилась в нем; собрав последние силы, он обнял мать и громким голосом воскликнул:

— Матушка, мы рассчитались с ним!

Услышав сии слова, мать обвила руками тело своего сына, зачатого ею в любви, и души их соединились навеки: Берта скончалась от горя. Что ей было теперь прощение и раскаяние мессира Батарне?

Столь необычное злосчастье сократило дни жизни бедняги сенешала, и не довелось ему лицезреть вступление на престол милостивого короля Людовика XI. Старик сделал вклад на ежедневную мессу в церкви Ларошфуко, где похоронил он вместе, в одной могиле, прах матери и сына, и воздвигнул огромную гробницу, на коей в эпитафии, начертанной по-латыни, многими похвалами была почтена их жизнь.

Из повести сей можно извлечь поучение, для повседневной жизни весьма полезное, ибо здесь показано, что высокородным старцам должно быть весьма учтивыми с возлюбленными своих жен. А сверх того сей рассказ учит, что все дети — благо, ниспосылаемое нам самим господом богом, и над ними отцы их, мнимые или настоящие, не имеют права жизни и смерти, каковой бесчеловечный закон существовал некогда в языческом Риме, но совсем не пристал христианам, ибо все мы — чада божии.